

№ 786

R $\frac{458}{215}$

121111115861111

ПУСТЫННИКЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

R 458
215
ПУСТЫННИКЪ,
СОЧИНЕНІЕ
ВИКОМТА Д'АРЛИНКУРА.

Перевелъ съ Французскаго

М. Флассъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ОРЕЛЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ И. СЫТИНА.

1824.

ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВУ

ПАВЛУ ПЕТРОВИЧУ

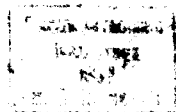
ТУРЧАНИНОВУ.

Генераль-Маіору и разныхъ
Россійскихъ и Иностранныхъ
Орденѣ Кавалеру.

ПЕЧАТАТЬ ДОЗВОЛЯЕТСЯ

Съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи до выпуска въ публику, предоплавлены были въ Ценсурный Комитетъ: одинъ экземпляръ сей книги для Ценсурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія, два экземпляра для Императорской публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Іюля 23 дня. 1823 года. Сію рукопись разсматривалъ Ординарный Профессоръ Коллежскій Совѣтникъ

Тимофей Перелогевъ.

1926-85

ВАШЕ ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВО!

Удостоите милостиво принять трудъ человека, едва вступившаго на поприще Литтературы. Одобрите его лѣстнымъ вниманіемъ Вашимъ и онъ не пожелаетъ другой награды. Пусть переводъ мой останется онъ всѣхъ въ забвеніи, подобно сему *Пустыннику* — не славы искалъ я. Я хотѣлъ, чтобъ люди, въ коимъ почтеніе мое неограничено и друзья мои безъ скуки провели бы нѣсколько времени за моею книгой. Въ глазахъ мно-

ПУСТЫННИКЪ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

тихъ желанія мои покажутся
умѣренны — но для меня они
слишкомъ велики.

Съ чувствомъ глубочайшаго
почтенія на всегда имѣю честь
быть

Вашего Превосходительства

преданнѣйшимъ слугою

Михаилъ Философовъ.

Среди горъ древней Гельве-
ціи, не подалеку отъ озера Мо-
ратскаго, въ долину пересѣкае-
мой бурнымъ потокомъ и огра-
жденной дремучими лѣсами,
возвышался въ XV вѣкѣ мона-
стырь Ундерлахдской. За нѣ-
сколько времени до ужаснаго
сраженія Моратскаго, Карлъ
смѣлый предалъ Аббатство сіе
и сокровища онаго жестокой
ярости своихъ воиновъ. Всѣ
монахи Ундерлаха были умерщ-
влены безчеловѣчно. И по нынѣ

еще пастухи показываютъ путешественникамъ скалу, на которой пали сіи несчастные. Самое чудо, по словамъ горныхъ жителей, утвердило воспоминаніе звѣрскаго поступка Владыки Бургоніи. Камень, служившій эшафотомъ для благочестивыхъ жертвъ сихъ и теперь еще сохранилъ знаки его варварства. И теперь еще сѣграница сего, кажется, спруится кровь невинно умерщвленныхъ служителей неба, и мѣсто ужаса — скала сія, возвышающаяся надъ быстрымъ потокомъ и ознаменованная неизгладимымъ преступленіемъ, и теперь еще именуется скалою ужаса.

Много уже лѣтъ протекло съ сего времени, какъ молодой Рене, Герцогъ Лоренской, вступилъ во владѣніе ста- ны сей

опустошаемой Бургонцами. Побѣда, одержанная имъ надъ Карломъ смѣлымъ подъ Нанси, имя его предала безсмертію. Въ виду сего города обезображенной трупъ Карла извлеченъ былъ изъ полузамерзшаго озера, куда, по увѣренію его пажъ, онъ упалъ во время сраженія, будучи пораженъ смертельнымъ ударомъ. Давно уже Швейцарцы, освобожденные сего страшнаго непріятеля, праздновали торжествую свое; вся Гельвеція и долина Ундерлаха, наслаждались совершеннымъ спокойствіемъ.

Тихо напилась по небосклону мрачная колесница ночи. Снѣгъ падалъ большими хлопьями и вѣтръ съ яростію свисталъ подъ развалившимися сводами монастыря Ундерлахскаго. Баронъ Герсшадъ, вла-

дѣтель Аббатства, старецъ согбенной подъ бременемъ лѣтъ, зажигаетъ лампаду въ башнѣ, имѣ обитавшей, и медленно направляетъ стопы свои къ церкви, гдѣ каждой вечеръ онъ возносилъ молитвы свои къ Всевышнему.

— „Великій Боже! вскричалъ Герсталя, простѣршись предъ олтаремъ, прости несчастному его сѣпованія! Ужели благодѣтельная смерть забыла меня? Давно уже жизнь представляется мнѣ какъ поле опустошенное, гдѣ взоръ встрѣчаетъ одни плоды горести. О вы, которыхъ священное пѣніе раздавалось нѣкогда подъ сими сводами, пѣни блаженные! отвѣстуйте! ужели мало блуждалъ я въ мракъ существованія? Ужели не заслужилъ я, чтобъ небо отверзло для ме-

ня сію обитель вѣчнаго мира, которую человекъ называетъ могилою?“

Онъ умолялъ; крикъ ночной птицы и завыванія вѣтра одни прерывали молчаніе ночи. Герсталя всталъ; окруженный гробницами съ попухающею лампадою, безмолвный; померпѣвшіе ланиты его оросились слезою горести; духъ скорби, казалось ему, носился надъ прахомъ умершихъ.

Легкій шорохъ привлекъ его вниманіе. Сладостный голосъ невинности произнесъ имя Герсталя—и взоръ старца встрѣтилъ нѣжную, чувствительную Елодію, съ рыданіемъ стоящую предъ нимъ на коленяхъ. Елодія, младая сирота, племянница Герсталя, одна обитала съ нимъ въ семъ уединеніи. — „Отецъ мой! воскликну-

ла двѣ Ундерлаха, ты умоляешь него о смерти — но что будетъ со мною, одинокою! . . . “ Она прижимала къ своему сердцу охладѣвшую руку спарца; голосъ замиралъ на устахъ и слезы молчанія оканчивали упрекъ ея.

Блѣдное сіяніе лампы Герспала освѣщало сію трогательную сцену: въ молчаніи смотрѣлъ старецъ нѣсколько времени на юную сироту. Подобно таинственнымъ существамъ, представляющимъ воображенію челоѣка въ первые дни его юности, которыя пробѣгаетъ онъ въ мрачныхъ мечтахъ своихъ, — Елодія являлась на землѣ прелестнѣе свѣжей, упренней розы; какъ благоухающій воздухъ весны была чиста душа ея. Никогда смертная не была совершен-

нѣе. Подъ мрачными сводами церкви, прекрасна какъ лилія долины, какъ упренная заря на горахъ Востока, Елодія превосходила всякое воображеніе и казалась мечтою прелестною. На берегахъ Скамандра она была бы возлюбленною Париса; на поляхъ Фессалійскихъ Аполлонъ увидѣлъ бы въ ней Дафну; и подъ голубымъ небомъ Аркадіи Алфей не узналъ бы въ ней Аретузу.

— „Нещастная! сказалъ Герспаль томнымъ голосомъ, скрывая чело свое; я соспрадаю о тебѣ!“ И перейдя мрачной помостъ старецъ, сопутствуемый сиротою, скрывается въ высокой башнѣ Аббатства.

Баронъ Герспаль провелъ нѣсколько лѣтъ при дворѣ Бургонскомъ и на полѣ чести прославилъ имя свое. Красота

овладѣла его сердцемъ и скоро онъ сдѣлался обожаемымъ супругомъ. Рожденіе младенца утвердило болѣе союзъ сей; никогда супруги не проходили щасливѣе бурную рѣку жизни.

Но долговременное блаженство не дано въ удѣлъ человеку. Часто самое величіе есть предшественникъ бѣдствій; жеспоная союзница смерти — фортуна, вѣнчаетъ любимцовъ своихъ цвѣтами, какъ будто для того, чтобы болѣе украсить свои жершвы; — и Герсталь лишился нѣжной своей подруги.

Тогда всѣ желанія, всѣ надежды его обратились на юную дочь; одаренная блестящею красотою, молодая Ирена скоро содѣлалась славою отца своего. Герцогиня Арровильская, буду-

чи родственницей. умирая, отдала свои безчисленные сокровища дочери Барона. Имя, богатство, воспитаніе полученное Иреною, казалось общали ей щасливую будущность.

Карлъ смѣлый, могущественный изъ владѣтелей Европы, прекраснѣйшій изъ рыцарей Бургоніи, славнѣйшій изъ героевъ современныхъ, представился взорамъ Ирены и прелести ея поразили его сердце. Будучи окружена всѣми обольщеніями любви она покинула кровь отеческой. Дочь Герсталь была похищена Карломъ, какъ Прозерпина владыкою Тенара; но увы! рѣка забвенія не протекала тѣхъ мѣстъ, гдѣ должна была обитать Ирена.

Баронъ предавался отчаянію; протекали часы, дни, мѣсяцы

— и участь Ирены оставалась неизвѣстною. Въ мирѣ семъ Герсталь утѣшался только одною дочерью — и миръ сей опустѣлъ для него; сердце Ирены было одно, которымъ гордился онъ — и это сердце совершенно его оставило. Нѣ-
которымъ образомъ на ней онъ основывалъ славу свою, и дочь заблудшая покрыва стыдомъ престарѣлаго отца своего.

Благородной рыцарь удалился отъ двора. Въ тихомъ своемъ убѣжищѣ онъ получаетъ извѣстіе; незнакомая рука начертала сіи строки: — „Герсталь! несчастная и раская-
ющаяся Ирена съ ложа смер-
ти осмѣливается говорить въ
своему родителю. Она при-
зываетъ тебя; внемли моль-
бамъ, если хочешь принять

„последній вздохъ жертвы не-
„достойнаго Карла.“

Наконецъ Герсталь узнаетъ жилище Ирены. Онъ лепитъ къ древнему замку, гдѣ остав-
ленная, въ одиночествѣ она оплакивала свои заблужденія. Уже открываются взорамъ его огромныя башни сего зда-
нія; уже онъ готовъ вслѣпить въ него... Мгновенно съ ужа-
снымъ скрипомъ опворяются врата замка; онъ видитъ по-
гребальное шествіе и священ-
ное пѣніе наполняетъ воздухъ... Герсталь не суждено было ви-
дѣть несчастной своей дочери.

Ирена сдѣлалась матерью; дитя рожденное въ слезахъ, едва успѣло взглянуть на миръ сей. Одна гробница заключила въ себѣ обѣ жертвы.

Съ мрачною горестію шель Герсталь за гробомъ. Велико-

дѣльный памятникъ былъ воздвигнутъ надъ прахомъ его дочери. Онъ основалъ многія обители; все наслѣдство, полученное Иреною роздано было бѣднымъ. Желая окончить жизнь, исполненную горестей, далеко онъ людей, дабы втайнѣ оплакивать свои несчастія, онъ рѣшился навсегда погребсти себя въ уединенной Швейцаріи.

Появленіе ласточекъ подъ древними сводами монастырскими, возвѣстило горнымъ жителямъ обновленіе Природы. Между дикими скалами Гельвеціи, какъ пальма въ пустынѣ, долина Ундерлахдская, съ цвѣтущихъ луговъ своихъ издавала благоуханіе весны. Съ башенъ Аббатства въ синеватой дали видны были альпы, коихъ свѣтлѣющіе вершины,

покрытые снѣгомъ, возвышались подобно гордымъ пирамидамъ. Обнаженные и безплодные скалы сіи вострѣчаются взорамъ путешественника; угрожающіе паденіемъ верхи ихъ подобны ужаснѣйшимъ скелетамъ. Далѣе огромной рядъ колоннъ представляютъ они обманутому воображенію. Печать созданія видна на утесахъ сихъ; многія вѣки прокатились надъ ними и рука времени еще не коснулась имъ.

Вокругъ обители Ундерлахдской возвышались сіи горы. Тропинки, ведущія въ долину, извивались вдоль утеса, почти низпровергнушаго волканическимъ изверженіемъ. Остроконечная вершина горы сей, спящая подъ вѣчнымъ снѣгомъ, представляла большую пропавшность съ цвѣтущими

лугами и зеленѣющими рощами Ундерлаха.

Быстрой потокъ мчался въ долину, окруженную мрачными елями и таинственными лѣсами Д р у и д о в ъ. Съ вершины скалъ; между коими онъ открылъ проходъ свой, свергающіяся древа въ сію пропасть. Изъ подъ каменистаго свода спремаяся кипящія волны его, но далѣе на лугахъ монастырскихъ тихо капаятъ кристальныя струи свои.

Уже Флора съ благоухающей своей колесницы, влекомой зефирами, проливала небесныя дары на Гельвецію. Съ тихимъ журчаніемъ источниковъ Филомела сливала свои мелодическіе звуки. Щастливая участь природы! Жизнь и веселость возвращены ей весною; столѣтнее дерево оживляется благо-

творнымъ ея дыханіемъ; удающее растѣніе возникаетъ; вся вселенная благословляетъ возвратъ ея. О человѣкъ! царь міра по воображенію, но часто жертва своихъ прихотей; удрученной горестями или очарованной наслажденіями, охлажденной лѣтами или въ пылкой своей юности; ты одинъ не оживешь съ природою, не разцвѣтешь съ весною!

Погруженная въ благочестивыя размышленія, изъ за желѣзныхъ решетокъ своей башни, Елодія любовалась мѣстоположеніемъ Ундерлаха. Къ западу подлѣ озера Моратскаго, высокая гора покрытая лѣсомъ привлекла ея вниманіе. — „Урсула, (сказала она старой надзирательницѣ замка), посмотри, какъ прелесноно отражающіяся лучи заходящаго солнца на

высокой скалѣ сей!“ — „Отврати отъ нее взоры свои; эта гора называется *Необитаемой*.“ — „Не ужели среди сего густаго лѣса, продолжала Елодія, наши горные жители не имѣютъ шалашей своихъ?..“ — „На горѣ *Необитаемой*! воскликнула Урсула съ ужасомъ; но кто осмѣлился итти туда? кто осмѣлится основать тамъ свое жилище?“ Елодія улыбнулась. — „Слѣдовательно этотъ лѣсъ очень ужасенъ и можетъ быть неприступная гора...“ — „Тамъ обитаетъ *Пустынникъ*!“

При семъ послѣднемъ отвѣтѣ Урсула, испуганная имени, которое произнесла она, затрепетала. Племянница Герсталя, боясь огорчить ее, не смѣла спрашивать болѣе и легкими стопами, сойдя съ лѣ-

стницы башни, удалилась въ рощу, монастырю принадлежащую. — „Кто этотъ Пустынникъ горы Необитаемой? думала Елодія. Одно имя его приводило всѣхъ въ ужасъ, между тѣмъ какъ вся окрестность гремитъ его благодѣяніями.

Скорыми шагами она перешла чрезъ паркъ. Близъ широкаго рва, отдѣляющаго садъ монастырской отъ луговъ, на цвѣтущемъ дернѣ воздвигнута была простая бесѣдка, откуда взоръ обнималъ всю долину. Тутъ сѣла Елодія. Тонкія, пурпуровыя облака застилали изрѣдка послѣднія луга заходящаго солнца. Недостигаемые вершины отдаленныхъ горъ начинали теряться въ туманѣ. Нѣсколько молодыхъ пастуховъ и дѣвушекъ плясали на мягкой муравѣ. Веселость видна была

на лицахъ ихъ и любовь пылала въ ихъ взорахъ. Шляпы пастушекъ были увѣнчаны весенними гирландами; зефиры играли ихъ локонами. Тавъ подъ звуки Пановой свирѣли летали нимфы Аркадіи на прелестныхъ берегахъ Ладона.

Пѣніе одного горного жителя привлекло общее вниманіе:

„О вы, которымъ извѣстны бѣдствія! если рука благодѣянія изъ таинственного мрака опретъ слезы ваши, — падите къ стопамъ пустынника! Но вы, трепещущіе при одной мысли о привидѣніи, веселые пастухи долины сей, — бѣгите горы пустынника!“

Дабы слушать пѣвца, пастухи прекратили на время свою пляску. Звуки замолкли. „Бѣгите горы пустынника“ снова воскликнулъ хоръ нимфъ

Ундерлахдскихъ; старцы толпились около молодыхъ и дальнее эхо твердило: „Бѣгите горы пустынника!“

„Любовники, судьбою гонимые! если какое благодѣтельное существо соединитъ васъ предъ олтаремъ вездѣсущаго — падите къ стопамъ пустынника! но вы, подозрѣвающіе во мракѣ таинства одни преступленія и ужасы — старцы... убѣгайте пустынника!“

„Старцы убѣгайте пустынника“ воскликнули всѣ радостною толпою. Пляски продолжались, но небо начинало уже помрачаться. Черное облако сокрыло послѣдніе лучи заходящаго свѣтила и дѣва Ундерлаха, удивленная, замѣтила, что веселой голосъ пастуха и таинственные слова

пѣсни; шумная веселость горныхъ жителей и томное журчаніе источника; красота луговъ и мрачность небосклона — все было противоположно въ долинѣ.

„О вы, которымъ невѣдомое
„могущество покровительствъ,
„вуетъ подѣ мирными кровами
„хижинъ вашихъ и возвраща-
„етъ силы тѣлесныя — пади-
„те въ стопы Пустынника!
„Но если подѣ личиною благо-
„сти скрывается чудовище,
„если змѣй таится подѣ цвѣ-
„тами — дѣвы убѣгайте Пу-
„стынника!“

„Дѣвы убѣгайте Пустын-
ника,“ воскликнулъ хоръ посе-
лянъ. Ночная тѣнь распрости-
ралась уже надѣ лѣсами. Мо-
лодые обитатели хижинъ,
взявшись за руки и продолжая
свою пляску, медленно удаля-

лись. Елодія начинала уже те-
рять ихъ изъ виду и одна
одежда горныхъ жителей мель-
кала ей между деревьями. Тол-
па дѣвушекъ разсѣялась и из-
чезла на берегу потока, какъ
Наяды Египта на берегахъ
Ахелойскихъ: голосъ ихъ изче-
залъ въ воздушномъ простран-
ствѣ, какъ воспоминанія изче-
заютъ въ сердце человека.

Одни отдаленные звуки до-
стигали слуха Елодіи; оконча-
ніе горной пѣсни поразило ее;
казалось, что зефиры шепта-
ли вокругъ ея: „дѣвы убѣгай-
те пустытника!“

Баронъ Герстахъ пришелъ
въ своей племянницѣ, соуп-
ствующимъ опцомъ Анзельмомъ,
достойнымъ служителемъ болта-
рей и пресвятымъ священ-
никомъ монастыря Ундерлахд-
скаго. Приходъ ихъ вывелъ ее